

Излагая историю возникновения сельских общин в Осетии, автор на ряде конкретных примеров показывает, как на базе однофамильных поселений, где первоначально жили лишь родственники, возникают сельские общины, жители которых связаны главным образом территориальными узами. А. Х. Магометов считает, что переход от родовой к сельской общине в основном произошел в аланский период, т. е. до начала татаро-монгольского завоевания, что отнюдь не исключало длительного сохранения осколков родовых союзов в виде однофамильных осетинских поселений, которые источники фиксируют вплоть до капиталистической эпохи (стр. 196, 197).

В книге отмечается, что сельская община, возникшая в условиях распада родового строя, проявила большую жизнеспособность и устойчивость, сохранившись в Осетии до начала XX в. Раскрывая причины этой устойчивости, автор вместе с тем показывает изменения, которые произошли в сложной структуре ее организации в связи с социально-экономическим развитием Осетии на протяжении нескольких веков (в формах землевладения и землепользования, в управлении общиной). Рассматривается также изменение роли общинных традиций и обычного права горцев после введения в Осетии государственно-административного управления.

Характеру сельских общин отвечает и осетинский адатный суд, который был по существу посредническим и основывался на присяге и нормах обычного права, на общинной морали, где гражданский долг и честь играли решающую роль. В монографии подробно описываются обычаи, связанные с функциями и деятельностью общинных судей (принятие присяги, институт доказательств, установление судебной достоверности, судебный поединок). Автор справедливо указывает, что обычное право, которое в течение веков регулировало традиционное судопроизводство, в связи с развитием социального строя Осетии тоже эволюционировало и в рассматриваемую эпоху отражало уже классовые отношения.

В монографии рассматриваются также обычаи кровной мести и гостеприимства, имевшие у осетин, как и у других народов Северного Кавказа, большое распространение. Характеризуя кровную месть как институт родового строя, А. Х. Магометов подчеркивает пагубные последствия этого древнего обычая, в более позднее время приводившего к большим жертвам, подчас равносильным народным бедствиям.

Знакомство с разделами, посвященными суду, кровной мести и гостеприимству, даст читателю много новых и интересных сведений, покажет ему исторические корни этих обычаев.

Весьма содержателен и раздел, посвященный ранним формам религии и их пережиткам. А. Х. Магометов считает, что пережитки первобытных религиозных верований в наиболее яркой форме сохранились в магических обрядах и культах осетин. В быту осетин до XVIII—XIX вв. были широко распространены магические обряды, к которым прибегали при лечении больных, при родах, на свадьбах, для обеспечения урожая, успеха охоты и т. д.

Не имея возможности говорить о всех проблемах, рассмотренных в монографии А. Х. Магометова, мы хотели бы в заключение подчеркнуть, что в ней впервые в нашей научной литературе освещаются все аспекты общественного строя Осетии XVII—XIX вв. в комплексе, во взаимосвязи с общественным бытом и идеологией народа.

Высоко оценивая рецензируемую книгу, мы вместе с тем хотели бы высказать ряд замечаний. Так, например, нам кажется, что автору следовало более полно охарактеризовать родственные коллективы.

В разделе о патрионимии теоретически правильно освещено историческое место этого социального института в системе социальных структур, однако здесь не хватает фактического материала.

Раздел монографии «Суд и присяга по адату» (стр. 247—262) следовало дополнить хотя бы краткой характеристикой основных норм обычного права Осетии XVIII—XIX вв., используя для этого записи осетинских адатов, сделанные русскими чиновниками в XIX в.

Следует отметить, что книга А. Х. Магометова хорошо издана, с большим вкусом оформлена превосходными рисунками художника У. К. Кавукова.

Г. Х. Мамбетов

В. А. Татаев, Н. Ш. Шабаньянц. Декоративно-прикладное искусство Чечено-Ингушетии. Грозный, 1974.

Изучение декоративно-прикладного искусства народов СССР — одна из важнейших задач, стоящих перед советскими учеными самого различного профиля. На наших глазах исчезают многие древние промыслы. Некоторые трансформируются, приобретая вполне современную окраску и отвечая нуждам и вкусам современного человека. Естественно, что каждая новая книга, посвященная народному искусству, вызывает большой интерес: привлекает внимание сам материал, отобранный авторами из огромного наследия, оставленного мастерами прошлого; методика его изучения; итоги научного осмысления этого материала, как бы малы они ни были.

Именно с таких позиций и следует рассматривать альбом В. А. Татаева и Н. Ш. Шабаньянца, посвященный декоративно-прикладному искусству народов Чечено-Ингушетии.

Альбом состоит из вводной статьи, снабженной рисунками, сделанными художниками А. Туладзе и И. Даурбековым, несколькими фотоснимками цветных репродукций, воспроизводящих войлочные ковры (акварели художника Б. Степанова). Свою работу авторы считают «первым шагом теоретического осмысления процесса развития народного декоративно-прикладного искусства чеченцев и ингушей» (стр. 9). Такое заявление должно быть основано на весьма тщательном отборе материала, детальном изучении литературы вопроса, а также очень серьезном знании всех проблем, связанных с развитием культуры вайнахов (чеченцев и ингушей). К сожалению, работа не вполне отвечает указанным требованиям.

Истоки культуры чеченцев и ингушей уходят в глубочайшее прошлое. Если отбросить слабо изученные периоды, связанные с неолитом и энеолитом, то с III тысячелетия до н. э. и вплоть до современности с разной степенью полноты можно проследить развитие культуры местного населения, а также выявить влияние, которое оказывали на искусство вайнахов различные иноплеменные пришельцы¹. Однако авторы рецензируемой книги взяли для «теоретического осмысления» материал, не выходящий за пределы XIX—XX вв. Более раннее, в том числе средневековое искусство, лишь бегло упомянуто.

Основное содержание книги посвящено ковроделию. Однако, прочитав ее, читатель так и не познакомится с техникой изготовления аппликационных ковров, способами валяния и окраски шерсти. Авторы не назвали центры ковроделия и их специфические особенности: в книге совершенно отсутствует анализ коврового орнамента. Известно, что войлочные ковры характерны для степных народов. В соседнем с Чечено-Ингушетией Дагестане такие ковры (арбабаши) делают тюркоязычные кумыки, генетически связанные с древними кочевниками — кыпчаками. И вот, просматривая альбом, приходишь к выводу, что в среде вайнахов-горцев преимущественно бытуют войлочные ковры. Чем это объяснить? К сожалению, перед авторами книги подобный вопрос даже не стоял, хотя он весьма интересен с научной точки зрения.

Анализ ковроделия, данный в работе, сводится к общим словам. Так, В. А. Татаев и Н. Ш. Шабаньянц пишут, что вайнахские ковры по цвету «броские и насыщенные», а далее следует лишь суммарное перечисление тонов, без выделения их стойких сочетаний; так же бегло перечислены отдельные элементы орнамента, которыми, по словам авторов, выражается «мечта о мире и счастье». Между тем такие элементы, как полумесяц и звезда, могли появиться на коврах в связи с проникновением мусульманского вероисповедания.

Если рассматривать альбом репродукций, то можно заметить, что ковры расположены бессистемно, а ведь было бы удобно и научно грамотно распределить их по отдельным селениям. Это позволило бы читателю понять, чем же различаются орнаментика и колорит ковров отдельных ремесленных центров.

В книге уделено некоторое внимание изделиям из камня, дерева, кости и серебра. Однако художественная обработка камня сведена авторами к суммарному (с шестью рисунками) описанию надмогильных стел (чуртов). Здесь также много общих и расплывчатых высказываний. Авторы говорят «о конкретных образах» и «конкретной бытовой и исторической обстановке» оформления стел, они утверждают, что «процесс изменения» формы надгробий в разных районах «проходил по-разному». Это, конечно, верно, но ведь в тексте отсутствуют конкретные примеры таких «образов», «изменений» и даже не указано, какие же районы авторы имеют в виду. А указать подобные районы можно — на границе с Дагестаном (бывшее общество Чеберлой) есть различные варианты склепообразных памятников, которыми обрамлены стелы: например, в районе сел. Итум-Кале (по р. Чанты-Аргун) надгробия часто покрыты не орнаментом, а своеобразными петроглифами; в Ингушетии, как и в Северной Осетии, некоторые стелы воспроизводят вполне конкретно человеческие фигуры. Но об этом в книге ничего не сказано. Вместо того чтобы привести факты, авторы пишут «об элементах арабского стиля», не называя их, о «надписях, роднящих их искусство (вайнахов.— В. М.) с искусством византийским», не указывая, где они обнаружены. Орнаментика вайнахских стел, действительно представляющая обширный материал для исследователя, рассматривается авторами книги очень бегло и самым непонятным образом как «развивающаяся в прямом и обратном направлениях» (стр. 6). В. А. Татаев и Н. Ш. Шабаньянц не отрицают влияния соседних народностей на «становление» вайнахского орнаментального искусства, но, как это характерно для их повествования, так и не сказано, какие же народы они имеют в виду.

Более квалифицированно написаны страницы, посвященные мастерам-резчикам по дереву и рогу И. Дутаеву и У. Нинциеву. Однако их мастерство, как это вполне справедливо отмечают авторы, находит аналогии в русской объемной игрушке и мало связано с традиционным вайнахским искусством.

Я остановился довольно детально на разборе текста книги-альбома в основном из-за декларативного замечания В. А. Татаева и Н. Ш. Шабаньянца о том, что их

¹ См. хотя бы «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР», т. I, Грозный, 1957.

работа является «первым шагом» на пути теоретического изучения местного искусства. Для подобного издания это сказано слишком громко, ведь книга не имеет научного аппарата, написана она местами беспомощно, авторы плохо знают литературу. В частности, совершенно «забыт» Л. П. Семенов, чьи труды по изучению Ингушетии являются настольной книгой каждого серьезного кавказоведа (они переизданы в Грозном в 1963 г.), а ведь этот разносторонний ученый — филолог, археолог, этнограф во время своих поездок обращал внимание абсолютно на все: на утварь, одежду, надгробия, орнамент, записывал предания и сказки. Забыт также авторами археолог-художник И. П. Щелбыкин, перу которого принадлежит специальный труд «Искусство ингушей в памятниках материальной культуры», очевидно, не знают они и работы П. Л. Лысенкова «Заметки о памятниках материальной культуры и об изобразительном искусстве Чечено-Ингушетии». Этот список можно было бы продолжить. «Первые шаги» в осмыслении искусства вайнахов были сделаны задолго до выхода в свет рецензируемой книги.

Завершая рецензию, хочу сказать, что изучение искусства любого народа не может вестись оторванно от его исторического развития, и любой вывод должен строиться на детальном знании материала, таких знаний авторы книги не показали. И если книга все же порадует читателя, то только дубликацией достаточно грамотных зарисовок и хорошими цветными репродукциями.

В. И. Марковин

Jēkabs Vitoliņš. *Latviešu tautas mūzika. Gadskārtu ieražu dziesmas*, Rīgā, 1973, 594 lpp.

В конце 1973 г. вышло новое издание латышского музыкального фольклора «Календарные обрядовые песни», подготовленное Е. Витолинем. Это четвертая, самая большая по объему книга из серии «Латышская народная музыка». Три предыдущих книги этой серии также составил и снабдил предисловиями, имеющими теоретический характер, Е. Я. Витолинь¹. В четырех книгах серии «Латышская народная музыка» опубликовано 4675 мелодий с текстами.

Рецензируемый сборник уже получил высокую оценку музыковедов и профессиональных музыкантов², поэтому наша цель — дать общий обзор сборника и определить в основных чертах его фольклористическое и этнографическое значение.

«Календарные обрядовые песни» — наиболее полное научно систематизированное и комментированное издание мелодий латышских календарных обрядовых песен.

Сборник открывается научно-аналитическим очерком Е. Витолина «Мелодии латышских календарно-обрядовых песен», состоящим из двух глав — «Осенние и зимние календарные песни ряженных» и «Весенние и летние песни». Очерк напечатан на латышском и русском языках (стр. 5—76). Далее следует систематизированная публикация 1492 мелодий и текстов народных песен (стр. 79—590). Она также состоит из двух разделов: «Осенние и зимние календарные песни ряженных» (1—235 ном.) и «Весенние и летние песни» (236—1492 ном.). В первом разделе напечатаны песни Микелева, Мартынова, Андреева и других людей, песни зимнего солнцестояния, латгальские и малиенские колядки и др. Во второй раздел вошли песни пасхальные, «рота-шанас» (первые весенние девичьи песни с пропевом «рота, рота»), песни «лиго» и др.

Каждая мелодия паспортизована: указаны имя, место жительства, год и место рождения ее исполнителя, имя собирателя и год записи, архивный шифр материала в фондах Сектора фольклора Института языка и литературы им. А. Упита АН Латв. ССР, либо дана ссылка на другие источники. Такова структура сборника.

Во вступительном очерке даны характеристика опубликованного материала в жанровом, функционально-тематическом и художественном аспектах, а также музыкально-теоретический анализ мелодических типов. Автор исходит из тезиса о том, что латышские календарные обряды, как и аналогичные обряды других земледельческих народов, берут свое начало в глубокой древности — в трудовой практике и связанных с ней аграрной магией, культах плодородия и солнца. Анализ песенного материала свидетельствует о древности календарных обрядовых песен. Это подтверждается их специфической жанровой определенностью и своеобразием, преобладанием в них мелодики архаических типов.

Е. Витолинь подчеркивает тесную связь календарных песен с трудовыми песнями, опубликованными в первой книге серии.

¹ См.: «*Darba dziesmas*» («Трудовые песни»), Rīgā, 1958; «*Kāzu dziesmas*» («Свадебные песни»), Rīgā, 1968; *Bērnus dziesmu cikls. Bērnu dziesmas* («Цикл детских песен. Похоронные песни»), Rīgā, 1971.

² В. Бендорф, Календарные обрядовые песни (рец.), «*Māksla*», Рига, 1974, № 2, стр. 53 (на лат. яз.); А. Карклинь, Календарные обрядовые песни (рец.), «*Literatūra un Māksla*», Рига, 10 августа 1974 (на лат. яз.).